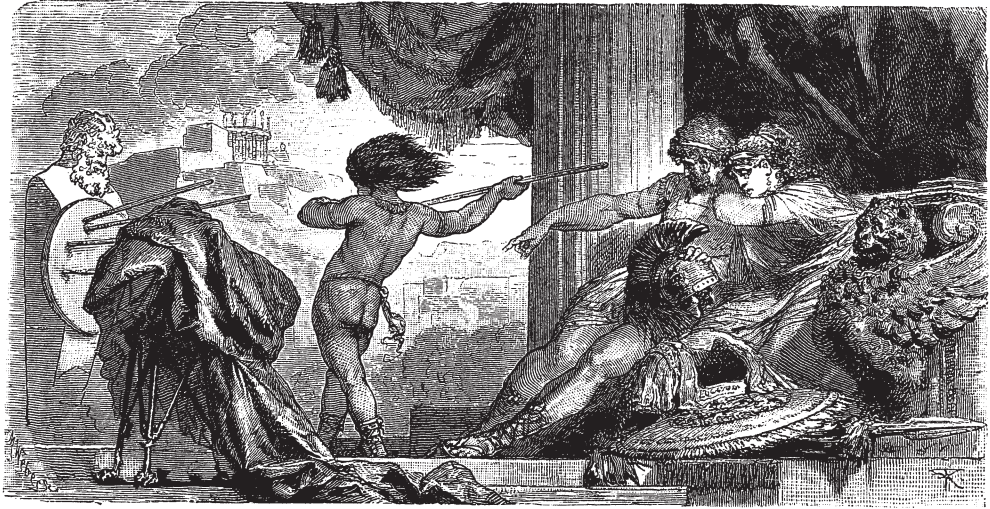

СТИХОТВОРЕНІЯ ПЕРВАГО ПЕРІОДА.

ПРОЩАНІЕ ГЕКТОРА.

Андромаха.

Что мой Гекторъ такъ спѣшитъ къ сра-
Гдѣ передъ Патрокловою тѣнью [женью,
Жертвы алчетъ яростный Пелидъ?
И кому твое дитя наставить
Почитать боговъ и дротомъ править,
Если Оркъ насъ съ нимъ осиротить?

Гекторъ.

Милый другъ, твоя мольба напрасна:
Въ смертный бой всѣмъ сердцемъ рвусь я
Эти руки Трою защитить. [страстно;
Я своей падить не властенъ жизни;
Какъ спаситель Троѣ и отчизнѣ,
Въ мрачный Оркъ спуститься самъ я радъ.

Андромаха.

Праздно мечъ заржавѣть побѣдный,
И замолкнетъ звонъ кольчуги мѣдной,
И Приама прекратится родъ;
И въ странѣ навѣкъ отъ солнца скрытой,
Гдѣ слезится скорбно валъ Коцита,
Въ Летѣ тамъ твоя любовь умретъ.

Гекторъ.

Въ Летѣ сгинетъ все, чѣмъ жила я ранѣй;
Въ ней забвенъ всѣхъ земныхъ желаній,
Лишь любви одной забвенья нѣтъ!
Чу! то крики вражьи прозвучали;
Дай мнѣ шлемъ и брось свои печали;
Для любви не существуетъ Летъ.

А М А Л І Я.

Какъ небожитель изъ свѣтлаго рая,
Всѣхъ онъ вокругъ затмевалъ красотой.
Взглядъ его былъ словно солнышко мая
Въ зеркалѣ ясномъ волны голубой.

А поцѣлуй — восторги небесные!
Словно два пламени вмѣстѣ сливаются,
Словно въ аккордѣ двѣ арфы прелестныя,
Дружной четою звуча, сочетаются.

Мчитъ сердце къ сердцу могучимъ поры-
Щеки, уста и дрожать, и пылаютъ; [вомъ:
Души слились — передъ взоромъ счастли-
Небо съ землею вокругъ исчезаютъ. [вымъ

Нѣтъ его болѣ — зову я напрасно;
Тщетно къ нему вздохъ за вздохомъ летитъ;
Все, чѣмъ когда-то была жизнь прекрасна.
Все мнѣ отчаяньемъ мертвымъ звучитъ.

ПОХОРОННАЯ ФАНТАЗІЯ.

Мертвенно сіяя:
Въ небесахъ луна стоитъ, какъ неживая;
И съ глубокимъ вздохомъ ночи тайный
Вѣетъ скорбно вокругъ; [духъ
Облака тоскливо въ вышинѣ трепещутъ;
Тускло звѣзды блещутъ,—
Будто факелы въ процессіи печальной
Откликомъ землѣ, зажглися въ небесахъ;
И, какъ рядъ тѣнѣй, ходъ тихій погребаль-
Направляетъ шагъ [ный
Къ кладбищу въ молчаніи суровомъ
Подъ угрюмымъ тѣмы ночной покровомъ.

Но, склоняясь безсильно надъ клюкой,
Кто такой,
Неподвижно взоры устремившій,
Словно въ вздохъ всего себя излившій?
Кто передъ рукой судьбы желѣзной
Не умолкъ еще мольбою бесполезной?
Иль отца почившаго въ согбенномъ
Старцѣ этомъ ты не узнаешь?
По чертамъ его изнеможеннымъ
Пробѣгаетъ скорби тяжелой дрожь.
Да!.. Его душа на части рвется,
Сердце пронзено ему насквозь.
Въ томъ, кто нынѣ гробу предается,
Сына погребать ему пришлось... [лодный
Вотъ онъ, вотъ, какъ ледъ, какъ ледъ хо-
Въ снѣ, — когда-то въ сладкомъ, крѣпкомъ
снѣ...
Проклинай, отецъ, судьбу бесплодно!
Вотъ твой сынъ, какъ ледъ, какъ ледъ хо-
Сожалѣнья стоишь ты вполнѣ! [лодный...

Полонъ силы и веселья,—какъ юный сынъ
Флоры
По цвѣтушимъ лугамъ легкокрыло летитъ,
Ускользнувши на мигъ изъ объятій Авроры.
Весь дыханіемъ рая обвѣянъ, облитъ,—
Такъ по жизни цвѣтущему лугу онъ мчался,
Отраженный серебряной, свѣтлой волной,—
И отъ ласкъ его пламень любви загорался.
Тайный пламень въ дѣвичьей душѣ мо-
лодой.

Какъ средь горныхъ твердынь легконо-
гая серна,—
Средь людскихъ тревоженій играя онъ
шелъ;
Рвался къ небу онъ въ мощи желаній без-
мѣрной,
Какъ ширяющій въ выси могучій орелъ.
Словно конь боевой съ пышно-кудрою гри-
вой,
Съ пѣнной шеею, быстръ, непокоренъ и
смѣлъ,
Отъ удилъ, отъ узды отбиваясь строптиво,—
Онъ тирановъ громилъ и рабовъ не тер-
пѣлъ.

Свѣжъ и ясенъ, какъ день лучезарный
весенній,
На зарѣ перешелъ онъ земную юдоль;
Въ сокъ гроздьева впивалъ онъ забвенья
мученій,
Въ вихрѣ пляски глушилъ онъ сердечную
боль.

Неизвѣстныхъ міровъ зарождались за-
чатки
Въ этой мощной груди! Если бѣ мужемъ онѣ
сталь,
О родители! тогда бы зачатокъ тотъ сладкій
Вмѣстѣ съ нимъ бы возросъ, вмѣстѣ съ
нимъ возмужалъ.

Но увѣ!..— что за скрипъ непривѣтно-
свирѣпый?
То скрипя отворяется кладбища дверь...
Вотъ зіяетъ отверстіе могильнаго склепа...
Не удерживай слезъ своихъ, старецъ,
теперь!
Ты жъ, почившій, ты шестуй путемъ безко-
нечнымъ
Совершенствованья, утоляя свою
Благородную жажду тѣмъ свѣтомъ пред-
вѣчнымъ,
Что сіяетъ тебѣ въ новомъ райскомъ краю!

Мы, навѣрно, увидимся вновь. Неужели
Не удивимся мы у Эдемскихъ воротъ?
Чу! Удары надъ гробомъ уже загремѣли,

Чрезъ мгновеніе крышку могильщикъ за-
бьетъ.
О! Съ враждой на устахъ, но съ любовью во
взорѣ
Какъ безумно мы ссорились прежде съ тобой!
О! постойте, постойте! Чѣмъ злобнѣй мы въ
ссорѣ,
Тѣмъ теплѣй сожалѣнія, другъ дорогой.

Мертвенно сіяя,
Въ небесахъ луна стоитъ, какъ не живая,
И съ глубокимъ вздохомъ ночи тайный духъ
Вѣетъ скорбно вкругъ.
Облака тоскливо въ вышинѣ трепещутъ,
Тускло звѣзды блещутъ,
Словно факелы, печальные блестятъ...

Глухъ и сдавленъ, — слышенъ стукъ
лопаты.
О, за все земное, — только взгляды!
Навсегда закрылася могила.
Глухъ и сдавленъ, слышенъ стукъ лопаты...
То, что смерть однажды поглотила,
Гробъ не отдаетъ назадъ.

ФАНТАЗІЯ КЪ ЛАУРѢ.

Молви мнѣ, Лаура, что за власть такая
Мощно тѣло къ тѣлу близиться зоветъ,
И не эта ль сила, душу проникая,
Волшебствомъ ее къ другой душѣ влечетъ?

Не она-ль планеты заставляетъ виться,
Вѣчно вокругъ солнца вихремъ ихъ
крутя?
И бѣгутъ свѣтила вкругъ своей царицы,
Какъ вокругъ родимой бѣгаетъ дитя.

Отъ росы его живыхъ лучей тѣмъ краше
Каждое свѣтило блещетъ и горитъ,
Жизнь себѣ впивая въ огненной той
чашѣ,
Что, какъ тѣло мозгъ, вселенную живить,

И, сплетая другъ съ другомъ, солнеч-
ныя нити
Вьются межъ собой въ гармоніи живой;

Сферы всѣ тоскуютъ каждою сонтья,
Двигается весь міръ любовью одной.

Въ механизмѣ міра вынь любовь —
мгновенно
Цѣлое исчезнетъ, распадется онѣ,
Хаосъ воцарится снова надъ вселенной,
И заплачетъ горько о мірахъ Ньютонъ.

Отними любовь въ духовныхъ сферахъ,
тоже
Въ мертвенной замрутъ тѣлесности онѣ,
Безъ любви безмолвенъ будетъ міръ весь
Божій,
Безъ любви не будетъ красоты въ веснѣ.

И когда, Лаура, сладость поцѣлуя [жаръ,
Возбудитъ въ моихъ щекахъ внезапный
И, до глубины всю кровь во мнѣ волнуя
За ударомъ сердце часто бьетъ ударъ

И когда, презрѣвши всякія границы,
Выступить спѣшитъ мой духъ изъ бере-
говъ,
Тѣло хочетъ съ тѣломъ сладострастно
слиться,
И единый пламень сжечъ насъ двухъ го-
товъ,—

Такъ же сильно, если только не сильнѣе,
Веретена міра вмѣстѣ сплетены
Нитями любви, какъ тканью Арахнеи,
И одной любви служить они должны.

Такъ спѣшитъ, Лаура, горести избытокъ
Радость золотую поскорѣй обнять;
Такъ спѣшитъ надежды радостный напи-
Тяготу нѣмого горя улаждать. [токъ

Наслажденіе слито братскимъ сочетань-
емъ
Съ горечью страданья въ сердцѣ у людей,
И въ союзѣ съ свѣтлымъ солнечнымъ
сіяньемъ
Ярче и полнѣе ясный блескъ очей.

Даже признаетъ державу симпатіи
Вѣчная Аида сумрачнаго ночь.
Съ адомъ вѣчно слиты такъ всѣ силы злыя,
Что стремятся силу неба превозмочь.

Грозный Фурій бичъ за совѣстью повин-
Крылья направляетъ мощныя свои, [ной
И живутъ опасность и полетъ орлиный
Вѣчно въ неразрывной связи и любви.

Къ гордости паденью, къ блещущему
счастью
Зависти объята хочется простерть,
Къ унижительнымъ отрадамъ сладо-
страстья
Простираетъ ихъ безвременная смерть.

За грядущимъ вслѣдъ всегда бывшее ры-
щетъ;
Завтра изловить *вчера* спѣшитъ всегда;
И Сатурнъ свою возлюбленную ищетъ;
Вѣчность, говорятъ, возлюбленная та.

Предсказанье есть, что онъ ее дого-
нитъ,
Онъ свою невѣсту — вѣчность обойметъ;
Хаосъ вновь тогда міръ цѣлый похоронитъ,
Цѣлый міръ имъ брачнымъ факеломъ заж-
жетъ.

Лучшая денница и для насъ настанетъ
Въ заревѣ его;и, словно ихъ любви,
Нѣтъ конца, такъ наше счастье не увянетъ...
О Лаура! этотъ мигъ благослови.

ВОСТОРГЪ КЪ ЛАУРѢ.

Лаура, міръ изъ глазъ моихъ теряется,
Когда въ одномъ огнѣ взаимно возгорается
Отъ моего твой свѣтлый взглядъ;
Въ небесной утонуть боюсь пучинѣ я,
Увидѣвши, какъ эти очи синія
Мой обликъ отразятъ.

Когда играешь ты — въ пространствахъ
бездны я
Внимаю, какъ поютъ мнѣ хоры звѣздные;
Гармонію міровъ я слушаю въ тотъ мигъ.
Что въ сердцѣ сомнѣвалось иль боролось,
Находитъ миръ въ твоёмъ небесномъ
голосѣ;
Когда поешь ты—я всѣмъ сердцемъ тихъ.

Тогда крылатые летаютъ геніи,
Вокругъ деревья пляшутъ въ опьяненіи,
Какъ будто бы играетъ здѣсь Орфей;
А въ пляскѣ ль полетитъ твоя нога воз-
душная,—
То, ритму мѣрному шаговъ твоихъ послуш-
ная,
Земля вокругъ оси вертится быстрѣй.

Когда ты на меня глядишь съ любовію,
То въ мраморѣ пульсъ бьется теплой кровію
И камень дышетъ, жизнь тая; [ные,
Дѣйствительностью стануть сны прекрас-
Когда въ твоихъ глазахъ читаю ясно я:
Лаура! ты моя!

ЛАУРА ЗА КЛАВЕСИНОМЪ.

Коль скоро инструментъ, твоимъ перстамъ
 послушный,
 Одушевить рука, волшебница, твоя,—
 То замираю вмгъ, бездушный
 И вмѣстѣ безтѣлесный, я! [ній,—
 Поддавшись волшебству твоихъ очарова-
 И жизнь и смерть признали власть твою.
 Какъ будто тмы духовъ изъ тысячи нерв-
 ныхъ тканей
 Зовутъ собратіевъ своихъ по бытію.

Вѣтерокъ чуть дышетъ,
Лишь тебя заслышитъ
Вихорь, очарованъ,
Сталь, точь - въ - точь прикованъ.

Тебѣ внимать природа рада:
Она вся замерла отъ счастья полноты...
Волшебница! Какъ силой взгляда,
Такъ звуками чаруешь ты!

Животворныхъ звуковъ сочетанья
Возрождаютъ счастья порывъ,
Словно ангеловъ къ существованью
Пробуждаетъ творческій призывъ,
Словно чья-то мощная десница,

Что создания жаждою томится
Из хаоса бездн простерлась вдруг
И въ ночи безъ звѣздъ и безъ денницы
Зажигаетъ солнцы вкругъ!

То словно сыплеть игривым каскадомъ
Струекъ тончайшихъ серебряныхъ рядъ,
То величавымъ торжественнымъ ладомъ,
Словно органъ иль громовый раскатъ,
То какъ бѣгущаго къ безднѣ глубокой
Пѣннаго, шумнаго грохотъ потока.

А то вотъ - вотъ
Ласковѣй, слаще,
Какъ вѣтерокъ
Въ липовой чашѣ.

Вотъ мрачнѣй, унылѣй и печальнѣй,
Словно ночи вой въ пустынь дальней,
Гдѣ страдальцевъ вѣчно рой томится,
Гдѣ Кошить безрадостный слезится...

О неужель ты, — дѣвушка, не скрой. —
Съ духами высшими живешь въ союзѣ
И въ этотъ мигъ съ тобой [тѣсномъ
Они тѣмъ языкомъ бесѣдуютъ небеснымъ?

ТАЙНА ВОСПОМИНАНІЯ КЪ ЛАУРЪ.

О, кто бы объяснить мнѣ могъ позывъ
тотъ странный,
Меня къ твоимъ устамъ влекущій постоянно?
Кто объяснить ту страсть, съ которой духъ
стремится
Всѣмъ существомъ своимъ воплотѣ въ тебя
Въ одно съ тобою слиться? [внѣдриться,

И почему, какъ рабъ, отдавшійся на волю
Вожда побѣднаго, своей покорный долъ, —
Всѣ силы духа, что въ моей груди таятся,
Черезъ жизни мость тебя достичь стремятся,
Чтобы тебѣ отдаться?

Скажи, зачѣмъ для нихъ я болѣ не вла-
ститель?
Иль ищутъ тамъ онѣ завѣтную обитель,

Отчизну милую и край прекрасный отчій,
Или друзей, съ семейю разлученныхъ про-
чей,
Нашло въ тебѣ для нихъ стремленье —
зоркій водчій?

Иль тайно у себя подслушала въ груди
ты,
Что наши существа ужъ прежде были слиты,
Что при сіяньѣ дня, угаснувшаго нынѣ,
На лонѣ счастья, потонувшаго въ пучинѣ
Съдого времени, сливались мы въединѣ?

Да, было такъ! Въ давно исчезнувшихъ
эонахъ
Я, ты, — два существа, теперь ужъ раздѣ-
ленныхъ, —

Во внутреннемъ съ тобой мы жили еди-
неньѣ...

Мнѣ въ хартіяхъ судьбы въ завѣтный мигъ
Прочестъ то дало вдохновенъе. [прозрѣнья]

Дивясь, читаль я тамъ про то, какъ мы,
когда - то
Единымъ бытіемъ незыблемо объаты,
Единымъ божествомъ въ творящей жили
силѣ,

И всѣ открыты намъ вселенной дали были,
И, правя ими, въ нихъ мы царственно парили.

Но это божество, — Лаура, плачь! — рас-
палось;

И мы съ тобой — вотъ все, что отъ него
осталось.

Вотъ почему стремимся мы душой насытой
Въедино слиться вновь, какъ прежде были
Въ той жизни позабытой. [слиты,

Вотъ почему во мнѣ живетъ позывъ тотъ
странный,

Меня къ твоимъ устамъ влекущій постоянно;
Вотъ отчего та страсть, съ которой духъ
стремится,

Всѣмъ существомъ своимъ исполнѣ въ тебя
внѣдриться,

Въ одно съ тобою слиться. [волю,

Вотъ почему, какъ рабъ, отдавшійся на
Побѣднаго вожда, своей покорный долѣ, —
Всѣ силы духа, что въ моей груди таятся,
Чрезъ жизни мостъ тебя достигъ стремятся,
Чтобы тебѣ отдаться.

Вотъ почему для нихъ я больше не вла-
ститель;

Онѣ нашли въ тебѣ завѣтную обитель,
Отчизну милую и край прекрасный отчій;
Друзей, съ семьею разлученныхъ прочей,
Нашло въ тебѣ для нихъ стремленъе, зоркій
[водчій;

Сама ты чувствуешь, — коль скоро мнѣ
понятенъ

Смыслъ тайный твоего румянца жаркихъ
пятенъ,

Горящихъ на щекахъ, — и сознаешь сама ты:
Другъ къ другу рвемся мы, точь въ точь,
какъ въ день возврата

Въ отчизну милую, братъ рвется къ сердцу
брата!

МЕЛАНХОЛІЯ КЪ ЛАУРѢ.

Лаура, блескомъ золотымъ Авроры
Горятъ твои свѣтящіеся взоры,
И слезъ твоихъ небесная роса
Восторговъ матерью зовется.
Кого она привѣтливо коснется,
Тому открыты небеса.
Ахъ! Кто твоимъ обрадованъ привѣтомъ,
Тотъ избранъ передъ цѣлымъ свѣтомъ!

Твоя душа, какъ зеркало потока,
Прозрачна и ясна.
Передъ тобой день осени глубокой
Сіяетъ какъ прекрасная весна;
Безплодная и дикая пустыня
Цвѣтетъ, присутствіемъ твоимъ освѣщена,
И словно рай земной становится она...
Ты этимъ счастлива. ты радости полна;
А я — объ этомъ всемъ я плачу нынѣ!

Какъ много красоты и силы погребла
Вселенная, вокругъ солнца рыща!

Гдѣ прежде жизнь кипѣла и цвѣла,
Тамъ нынѣ лишь одно громадное кладбище!
Какъ много погребенныхъ силъ
Въ зловоньи тлѣнія таятся!
Струею смертною источники слезятся
Изъ человѣческихъ могилъ.

Взгляни наверхъ къ сіяющимъ планетамъ.
Объ ихъ судьбѣ послушай ихъ разсказъ.
Мильоны разъ въ кругу блестящемъ этомъ,
Мильоны разъ весна, сверкая, пронеслась;
Мильоны битвъ прошло, свергалися пре-
[стоны...

Гдѣ жъ ихъ слѣды въ пустынь голый
Пространства? Вотъ тебѣ вопросъ!
Безчувственно и мѣрно, ихъ могилы,
Міры бездушные катятся тамъ уныло,
Какъ въ часовой системѣ рядъ колесъ.

Пройдутъ вѣка, и солнце въ тѣхъ лучи
Погаснутъ навсегда въ хаосѣ и ночи.

Огонь очей твоихъ и губъ твоихъ багрянецъ
И щекъ твоихъ живой румянецъ
Тебѣ лишь тлѣніемъ дарованы взаймы,—
Жестокій займодавецъ! Братья, вѣрьте,
За нашу жизнь съ ея красою — смерти
Неимовѣрные проценты платимъ мы!

Не смѣйся, смерть тебя сильнѣй;
Лаура, нѣтъ! Румянецъ ярче,
Глаза, которые горѣли много жарче, —
Смерть сдѣлала добычею своей.
Изъ-за куста, покрытаго цвѣтами,
Губительный натянуть лукъ за нами!
Вѣрь мнѣ, Лаура, вѣрь: когда въ блаженный
Въ восторгѣ твое зрѣніе угасло, — [мигъ
Предвѣстникъ смерти то тебя настигъ;
И каждый лучъ изъ глазъ твоихъ
Въ лампадѣ бытія навѣки тратитъ масло.

Мой пульсъ ускоренный, и крови юной
жаръ,
Что такъ тебя въ восторгъ приводитъ
постоянно,
Онъ тоже рабъ всеобщаго тирана,
И каждый бой его — есть смертный мой
ударъ.
И весь рядъ призраковъ, блестящій и
обильный,
И жизненныхъ красотъ весь безконечный
Лишь пузыри изъ пѣны мыльной, [рядъ—
Что радужными красками блестятъ.
Искать слѣды ихъ будешь ты напрасно.
Вся жизнь сначала, — и ея зерно,
И юность и расцвѣтъ ея прекрасный —
Въ концѣ концовъ ничтожество одно.

Мнѣ представляется: румянецъ твой
поблекъ,
Твои уста прекрасные ввалились,
Округлости твоихъ цвѣтущихъ щекъ
Слѣдами жизни бурь покрылись.
Туманъ прошедшихъ лѣтъ струи
Кипящей юности источника остудить,
Лаура перестанетъ ждать любви
И возбуждать любви не будетъ.

Какъ дубъ могучъ, Лаура, твой поэтъ,
И времени губительной десницы
Еще покуда не страшится
Великолѣпный силъ его расцвѣтъ.
Мой взглядъ — свѣтилъ небесныхъ ярче,
А взгляда пламеннѣй и жарче

Мой огневой летящій въ небо духъ,
Которому вселенной мало.
Онъ въ морѣ жизни рушитъ скалы
И камни двигаетъ вокругъ;
Къ предѣламъ бытія, могучій, онъ стре-
Его границы — бытія границы. [мится;

Лаура, по душѣ тебѣ тотъ силъ избытокъ?
За друга гордости душа твоя полна?
Такъ знай, что чаша та, отколь ты пьешь
Той гордости, — отравлена она! [напитокъ
Стократъ несчастенъ, кто дерзаетъ
Извлечь изъ праха искру Божества
Перстъ, что дѣла безсмертія рождаетъ,
Послѣ рожденія становится мертва.
Блестящій виртуозъ искусною игрой
Навѣки инструментъ разрушить долженъ
И генію святому въ пищу надо [свой,
Сіянье жизненной лампы.

Но стражъ, хранящій жизненный пре-
столъ,
Возстать противъ него готовится, обмануть.
Ужъ силъ моихъ мнѣ тяжекъ произволь:
Противъ меня онъ какъ разъ возстануть.
Лаура, да! Лишь двѣ весны промчится, —
Не болѣе, — запомни рѣчь мою:
Отъ силы собственной мнѣ суждено сло-
Отъ своего я пламени сгорю. [миться,

Лаура, плачешь ты? О нѣтъ!
Не оскорбляй меня, о томъ горюя!
Сотри своей печали слѣды,
Не осуждай меня на дряхлость! Не хочу я,
Дрожа отъ старости, подъ солнцемъ вѣкъ
влачить,
Которое расцвѣтъ мой пышный грѣло.
Я не хочу, какъ старецъ, осудить
Порывы юности, отважной, гордой, смѣлой,
И, взорами души ослѣпнувъ наконецъ,
Моихъ безумствъ прекраснѣйшій вѣнецъ
Признать почти за преступленіе.
Нѣтъ! Брось напрасныя, Лаура, сожалѣнья.
Цвѣтокъ, пока онъ не увялъ, срывай,
Срывай, пока цвѣтетъ онъ, силъ и соковъ
Скорѣе, смерти богъ безмолвный, [полный!
Скорѣй мой факелъ погашай!
И, какъ въ трагедіи на самой лучшей сценѣ,
Пускай мое прервется представленіе,
И хоть окончилось оно, а все народъ
Сидитъ весь на мѣстахъ и видѣннымъ
живетъ...

РУССО.

Гробъ Руссо, мой духъ къ тебѣ стремится,
Памятникъ, котораго стыдиться
Франція должна и вѣкъ нашъ весь!
Миръ тебѣ, мудрецъ многострадавшій,
Мира въ жизни цѣлый вѣкъ искавшій,
Миръ себѣ нашедшій только здѣсь.

Наши язвы вѣкъ неизлечимы;
Прежде мракъ былъ,— мудрые гонимы;
Нынче свѣтъ,— но гонятъ ихъ опять;
Паль Сократъ, но отъ софистовъ ранѣ;
А Руссо изгнали христіане
За мечту — изъ нихъ людеа создать.

ЭЛЕГІЯ НА СМЕРТЬ ЮНОШИ.

Въ опустѣвшемъ домѣ плачъ печальный,
Словно бури налетѣвшей стонъ...
Мощно звонъ несется погребальный —
Юношу оплакиваетъ онъ,
Юношу, который для могилы
Не успѣлъ достаточно созрѣть
И съ огнемъ въ очахъ, въ расцвѣтѣ силы
Призванъ былъ судьбою умереть;
Сына, радость матери несчастной,
Друга, ахъ! и брата моего!
Кто людьми зовется не напрасно —
Всѣ придите пожалѣть его!

Что кичится старостью глубокой
Дубъ огромный, еще полный силъ?
Что кичится горъ хребетъ высокій,
Или небо тысячею свѣтилъ?
Иль что старецъ хвалится маститый
Совершеньемъ многихъ славныхъ дѣлъ?
Иль герой гордится знаменитый,
Что въ потомкахъ честь — его удѣлъ?
Ужъ червякъ цвѣты у корня точить.
Положиться можно ль на судьбу?
Кто за гробомъ или здѣсь захочетъ
Жить, коль скоро юноша въ гробу?

Рокъ ему, казалось, улыбался,
Въ розахъ жизни путь ему казался,
Міръ, весь міръ ласкалъ его пока;
И надеждой золотой встрѣчали
Будущаго розовыя дали,
Юношу маня издалека.
Мать надъ умирающимъ молилась,
Смерть сама уже надъ нимъ носилась,
И ужъ Парка нить его рвала,
Но улыбку или ясность взгляда
Омрачить не смѣла близость ада, —
Жизнь еще казалась такъ мила!

Крѣпко спишь ты сномъ невозмутимымъ
Въ этой тѣсной кельѣ изъ земли.
Братъ! въ молчаньи, вѣкъ ненарушимомъ,
Всѣ надежды замерли твои.
Если солнце изъ-за тучъ проглянетъ,
То его не видишь болѣ ты;
Если вѣтръ шумѣтъ по роцѣ станеть,
Ты не слышишь, какъ шумятъ листы:
Не зажжетъ твой взглядъ, свои объята
Не простретъ къ тебѣ теперь любовь;
Какъ ни плачутъ надъ тобою братья,
Но на вопль ихъ ты не взглянешь вновь.

Но ты счастливъ! Сна и мира полный,
Горю не доступенъ твой пріютъ;
Грусть и радость для тебя безмолвны;
Наши скорби грудь тебѣ не рвутъ;
Клевета чернить тебя не властна,
Не уловить въ сѣть тебя обманъ,
Фарисейство подлое напрасно
Станетъ разставлятъ тебѣ капканъ;
Лицемѣръ въ апостольской личинѣ
И блудницы правосудья тожъ,
Что людьми играютъ, будутъ нынѣ
Разсыпать свою напрасно ложъ.

И капризная богиня счастья
Ужъ тобой не станеть впредь играть,
Какъ съ людьми, то ихъ прельщая властью,
То ввергая въ бездны ихъ опять.
Миръ тебѣ въ твоей пустынной кельѣ!
Всей игрѣ капризницы-судьбы,
Суетѣ, безъ цѣли или съ цѣлью,
Комико - трагической толпы,
Гдѣ, въ азартную игру играя,
Страсти неестественно кипятъ, —
Нашей жизни дьявольскому раю, —
Навсегда теперь ты чуждъ, мой братъ!

Такъ прими жъ напутственное слово,
Наше дружелюбное бай - бай,
И въ спокойствіи до встрѣчи новой
Тихимъ сномъ блаженно почивай,—
До минуты той, покуда хоры
Горнихъ трубъ могилы огласятъ,
И предъ вихремъ Божіимъ затворы
Смертныхъ вратъ безсильно задрожатъ,
И вольетъ жизнь въ трупы духъ Еговы
И въ дыму распавшихся міровъ
Всѣ гроба откроются, готовы
Возвратить свою добычу вновь.

Въ тѣ ль міры, что мудрецы вѣщаютъ,
Или въ рай, какъ вѣруетъ народъ,
Въ небо ль, что поэты воспѣваютъ,—
Но любовь къ тебѣ насъ приведетъ!
Мысль живетъ на этомъ только свѣтѣ ль?
Неужель ея за гробомъ нѣтъ?

Развѣ тамъ уже не добродѣтель
Руководитъ нами? Иль то бредъ?
Это для тебя ужъ не загадка!
Это все узналъ ты наконецъ,
И ты пьешь изъ чаши правды сладкой,
Что даритъ намъ истины Отецъ.

Опустите жъ вы, что гробъ несете,
Въ землю трупъ теперь, во снѣдь червю!
Вы, кто слезы о погибшемъ льете,
Холмъ надъ нимъ насыпьте и свою
Скорбь неутолимую умѣрьте! [смерти,
Святъ, святъ, святъ ты трижды, Боже
Наша жертва предъ тобою — страхъ.
Что земля, то въ землю обратится;
То, что прахъ, то прахомъ станетъ вновь;
Тлѣнное по вѣтру разлетится;
Въ смертномъ вѣчна лишь одна любовь!

ДѢТОУБІЙЦА.

Глухо колоколь звонить тревогу,
Роковой и страшный часъ мой бьетъ.
Будь, что будетъ! Ну, во имя Бога,—
Пусть ведутъ меня на эшафотъ.
Такъ прощай же, міръ коварный, гнусный!
Съ жизнію теперь я буду квитъ.
Съ виду привлекательный и вкусный,
Плодъ познанья смертно ядовитъ.

Такъ прощайте, радости земныя!
На могилу я мѣняю васъ;
Вамъ прости, минуты дорогія,
Незабвенный, сладкій счастья часъ!
Вамъ привѣтъ прощальный, дѣти рая,
Золотые страсти прежней сны!
Ахъ! Зачѣмъ, еще расцвѣтая,
Вы увянуть для меня должны!

Вся облита розовымъ туманомъ,
Улыбалась сладко жизнь моя,
И въ вѣнкѣ изъ розъ благоуханномъ,
Вся въ цвѣтахъ въ нее вступала я,
Но въ цвѣты же рядятъ жертвы! Печальной
Жертвой быть судилъ мнѣ грозный рокъ,
И теперь повязкой погребальной
Замѣненъ мой розовый вѣнокъ.

Плачьте жъ обо мнѣ, вы, кто не пали,
Для кого цвѣтъ лилій не завялъ,
И на чьей груди покровъ изъ стали
Противъ ласкъ любовныхъ устоялъ.
Это сердце только жить желало,
Но желанье то — мой приговоръ;
Слухъ мой къ лести сладкой я склоняла,
И за это мнѣ готовъ топоръ.

Можетъ быть, душой змѣиной нынѣ
Онъ къ другой старается прильнуть;
Можетъ быть, на зло моей кручинѣ,
Онъ теперь пируетъ гдѣ-нибудь;
Можетъ быть, чужой ласкаетъ локонъ,
Поцѣлуи сыплетъ онъ другой.
Эта мысль, что отъ меня далекъ онъ,
Отравляетъ часъ предсмертный мой.

О! Пусть нынѣ звукъ моихъ проклятій
До тебя, измѣнникъ, долетитъ
И тебя средъ ласкъ или объятій,
Словно призракъ адскій, поразитъ!

Пусть проклятье то въ мигъ самый счастья
Перерветъ слова любви твои
И предстанетъ адской бездны пастью
Вамъ межъ розъ и радостей любви!

Ты забылъ, что стыдъ меня погубить,
Ты ребенка своего забылъ!
Львенка левъ и тигръ тигренка любить,—
Ты суровѣй льва и тигра былъ.
На корабль ты съѣсть поторопился,
Чтобы отъ меня подальше быть;
Ты въ Парижъ веселый устремился,
Чтобъ тамъ въ вихрѣ прошлое забыть.

А ребенокъ! Чуждъ моихъ мученій,
Онъ въ невинности спокойной спалъ;
Какъ едва расцвѣтшій цвѣтъ весенній,
Онъ святой улыбкой мнѣ сіялъ...
О дитя, убійственно прекрасно
Было ты! какъ чисто и свѣтло!
Мать свою ты жгло любовью страстной
И отчаяньемъ смертельнымъ жгло.

Мать, гдѣ мой отецъ? сказать онъ проситъ
Взглядами, въ невинности жестоко.
Женщина, гдѣ мужъ твой? произносить,
Словно, каждый сердца уголокъ.
Ахъ! Отца искать напрасно станешь
Ты на свѣтѣ, бѣдный сирота;
Часъ рожденья ты не разъ проклянешь,
Будетъ мать тобою проклята!

Мать твоя скрываетъ муки ада
Одиноко въ ноющей груди,
Въ прелести ребяческаго взгляда
Тщетно хочетъ силъ себѣ найти.
Въ каждомъ крикѣ милаго дитяти
Слышится ей смертный приговоръ,
Въ смѣхѣ дѣтскомъ чуетъ ядъ проклятій,
Совѣсти мучительный укоръ.

Жизнь тебѣ я въ адъ преобразила,
Но и ты мнѣ тоже адъ несешь;
Кару за все то, что прежде было
Въ поцѣлуѣ мнѣ, дитя, ты шлешь,
Клятвъ отца послѣдствіе — проклятье;
На меня упасть должно оно...
Не могла змѣѣ противустать —
Злое дѣло было свершено.

О, отецъ! Гдѣбъ ни былъ ты, отнынѣ
За тобою слѣдомъ сына тѣнь:
Средь отрадъ сгноить тебя въ кручинѣ.
Въ отдыхъ — твою отравить лѣнь;
Тихой ночью пусть въ мерцаньѣ звѣздномъ
Видишь ты его предсмертный взглядъ;
Призракомъ пусть онъ предстанетъ гроз-
Оттолкнуть тебя отъ райскихъ вратъ. [нымъ]

Да! Дитя ужъ больше не дышало;
Молча на него глядѣла я.
Мнѣ тогда казалось, — истекала
Вмѣстѣ съ этой кровью жизнь моя.
Грозно вѣстникъ смерти въ дверь стучится,
Но страшнѣй его въ моей груди...
Радостно душа моя стремится
Въ вѣчный мракъ — забвеніе въ немъ найти.

О, Іосифъ! Въ небѣ Богъ прощаетъ;
Пусть тебя здѣсь грѣшница проститъ!
Всѣ расчеты съ жизнью смерть кончаетъ,
И огонь все въ пепелъ превратитъ!
Будь же счастливъ! Съ письмами истлѣли
Клятвы всѣ, мнѣ данныя тобой;
Поцѣлуй съ вѣтромъ улетѣли;
Мертвъ и пусть теперь мнѣ міръ земной.

О, не вѣрьте, сестры, — лживы розы
Красоты, и лживъ мужской обѣтъ!
Я ли не прекрасна? Но лишь слезы
Мнѣ принесъ моей красоты расцвѣтъ.
Какъ? Мои убійцы загрузили!
Слезы? мнѣ? Повязку мнѣ скорѣй!
Вотъ еще! Жалѣть ли смятыхъ лилій!
Не дрожи, палачъ и не блѣднѣй!

БЕЗПРЕДѢЛЬНОСТЬ.

По безднѣ безбрежной, по морю вселенной
Стремится, несется мой челнъ дерзновен-
На крыльяхъ вѣтровъ, [ный
Въ пучину міровъ;
Гдѣ Богомъ предѣлъ постановленъ всему,
Тамъ будетъ конецъ и пути моему!

И звѣзды я видѣлъ въ дали безконечной.
Играя, блистая, свой путь вѣковѣчный
Во мглѣ, въ вышинѣ,
Свершали онѣ.

И далѣ помчался челнокъ мой надъ бездной,
И міръ предо мною открылся беззвѣздный,

Но свѣта быстрѣ ладья полетѣла
Въ ничтожности полной и вѣчной предѣлы.
Одѣянный мглой
Лежитъ предо мной

Мой путь безконечный; какъ волны въ рѣкѣ,
Горятъ и блистаютъ міры вдалекѣ.

Орлиному взгляду привольно, широко!
Вдругъ вижу я, — путникъ въ ладѣѣ одино-
Навстрѣчу плыветъ. [кой

— „Куда твой полетъ?“ —
— „Гдѣ Богомъ конецъ постановленъ все-
ленной,
„Туда я направилъ свой бѣгъ дерзновен-
ный!“ —

— „Вернись же! Его не найдешь ты за
мною
„Одна безконечность лежитъ предъ
Напрасный порывъ! [тобою!“ —
Свой парусъ спутивъ,
Пытливая мысль, покоришься Провидѣнью
И брось бесполезное въ дали стремленіе!

С Р А Ж Е Н І Е.

Грузно и тяжко,
Тучею грозной
Полкъ идетъ по зеленому лугу.
Необозримый раскрылся просторъ;
Дикому игрищу мѣста довольно!

По равнинѣ раскрывшейся ползаетъ
Сердце бьется при видѣ утесовъ. [взглядъ.
Передъ рядомъ усталыхъ, осунутыхъ лицъ
Проскакалъ передъ строемъ маіоръ.

„Стой“!

Каменитъ неподвижныя толпы команда.

Фронтъ беззвучно, безмолвно стоитъ.

Что это въ утреннемъ блескѣ
Виднѣется тамъ съ высоты?
Не правда ль, то вражьи знамена?
Да, правда, то вражьи знамена.
Такъ, Богъ съ вами, жены и дѣти!
Смѣлѣе! Вы слышите пѣнье?
Чу! Трубы гремятъ, барабанъ
Нѣтъ - нѣтъ перерветъ эту пѣсню!
Какъ мощно онъ вторитъ ей въ тактъ!
По кожѣ морозъ подираетъ.

До свиданья въ лучшемъ мірѣ,
Братья! Знать, такъ Богъ велѣлъ!

Вотъ блеснуло, словно молнія;
Вслѣдъ за ней ударъ громовый,

Блескъ зловѣщій и грохотъ трескучій.
Лозунгъ дали войскамъ: „Дружно въ
[бой!“

Громче, пушекъ громъ, гуди
Отъ тебя вольнѣй въ груди!

На волю смерть вырвалась — биться пора!
Въ дыму и пыли началась игра,

Азартная — въ страшныя, круглыя
[кости.

Ближе сплелися ряды,
Слышно по строю: готовся!
Ставъ на колѣни,
Дали передніе залпъ.

Много не встало! Картечи
Сыплются спереди, сзади.
Павшій передній смѣнился
Новымъ изъ дальнихъ рядовъ.
Гибель направо, налево,
Гибель повсюду кругомъ,
Смерть вкругъ летаетъ по строю.

Солнце вышло, день все ярче.
Битва дня и солнца жарче.
Дымъ и пыль темнѣе ночи
Ослѣпляютъ всюду очи.
До свиданья въ лучшемъ мірѣ,
Братья! Съ нами Богъ, впередъ!

Кровь льется; на павшихъ ступаетъ нога,
Съ убитыми вмѣстѣ смѣшались
Живые. — „И ты здѣсь, пріятель?“ —
„Невѣстѣ, мой другъ, поклонись!“
Все бѣшенѣй битва бушуетъ.
„Поклонъ передамъ!“ — „Ради Бога,
„Взгляните, товарищи? Сзади,
„За нами картечь словно дождь.“ —
— „Спи, другъ! Поклонюсь я невѣстѣ
„Теперь же въ кипящую битву
„Помчусь сиротливо одинъ!“

[тамъ,

Колеблется бой, — то онъ здѣсь, то онъ
Кипучѣй, грознѣй; дымъ сталъ ночью очамъ

До свиданья въ лучшемъ мірѣ,
Братья! Съ нами Богъ, впередъ.

Чу! Кто это скачетъ галопомъ?
Куда адъютанты летятъ?
Драгуны помчались въ натискъ,
Орудія вражьи молчатъ.
Побѣда, друзья!
Разорвана цѣпь у враговъ,
И вражьи знамена упали.

Ожесточенный бой рѣшился
И день средъ мрака прояснился.
Трубы трѣбятъ гимнъ побѣдъ,
Павшимъ съ честію привѣтъ!
Лучшій міръ для нихъ открылся.

Д Р У Ж Б А.

Другъ мой! Прѣсты бытія основы,
И усилья умника иного
Тщетно ищутъ сложный ихъ законъ.
Нѣтъ! законъ одинъ лишь безусловный
Править міръ тѣлесный и духовный;
Но найдется ль для него Ньютонъ?

Сферы всѣ — рабы единой цѣпи;
Къ сердцу міра чрезъ пространства степи
Всѣ онѣ вершатъ пути свои.
Духи всѣ, что во вселенной рѣютъ.
Мощно къ солнцу духа тяготѣютъ,
Словно въ океанъ бѣгутъ ручьи.

Не законъ ли этотъ всемогущій,
Къ солнцу сферы въ небесахъ влекущій,
Сердце къ сердцу между насъ влечетъ?
Не въ твоихъ ли взглядахъ—о блаженство!—
Мнѣ блистаетъ солнце совершенства?
Не оно ль къ себѣ мой духъ зоветъ?

Духъ родной въ тебѣ лишь отыскалъ я,
Между тысячей тебя избралъ я,
Межъ чужихъ лишь ты одинъ мнѣ братъ.
Если въ мірѣ, въ хаосъ вновь разъятомъ,
Отдѣлится даже каждый атомъ,—
Силы тѣ насъ вновь не разлучатъ.

Отраженіе пламеннаго взгляда
Моего въ твоёмъ— что за отрада!
Чрезъ тебя себя я познаю,
Чрезъ тебя мнѣ цѣлый міръ милѣе,
Чрезъ тебя небесный сводъ яснѣе,
За тебя я жизнь сильнѣй люблю.

При тебѣ мнѣ радость въ жизни слаше
И ударъ судьбы, во мглѣ таящій
Свой топоръ, сноснѣй перенести;
И печаль, что сердце мнѣ терзаетъ
Предъ твоимъ участіемъ умираетъ
У тебя на дружеской груди.

Коль судьба тебя бы не дала мнѣ,
Обнималъ бы я въ восторгѣ камни,
Я бы страстно скалы цѣловалъ.
Отклику рыданіямъ и смѣху
Мертвому,—я бѣ радовался эху,
За живое я бѣ его считалъ.

Мы мертвы въ порывахъ дикой злобы,
Чувство же любви вознестъ могло бы
Насъ рукой могучей до Творца.
Вотъ законъ, единственный и вѣчный,
Въ лѣстницѣ созданья безконечной,
Не творящихъ, властный безъ конца!

Пусть же эллинъ руку дастъ монголамъ,
Херувимъ предъ Божіимъ престоломъ
Станетъ съ низшей тварью въ общій строй,—
Въ хороводъ любви, и передъ всѣми
И пространство сгинетъ все и время.
Въ океанъ той любви живой.

Одинокъ былъ Самъ Творецъ блаженный
И создаль Онъ сонмъ духовъ вселенной
Отразитъ свое въ немъ бытіе,
И коль Онъ не сыщеть отраженія
Въ вереницѣ длящейся творенія,—
Въ вѣчность Онъ глядится чрезъ нее.

ГРУППА ИЗЪ ТАРТАРА.

Чу! Какъ водоворотъ бушуетъ разъярен-
ный,
Какъ плачетъ, въ нѣдра горъ скатившись,
ручеекъ,
Такъ гулко чей-то вздохъ несется приду-
Задавленъ и глубока. [шенный,

Искаженъ несказанною мукою ликъ,
Замираетъ въ отчаянны ужаса крикъ,

И уста въ ожиданьи безмолвны.
Очи впалы; блуждая, испуганный взглядъ
Робко смотритъ, какъ въ темной пучинѣ
Вдаль Коцита угрюмаго волны. [бѣжать

И другъ друга онѣ вопрошаютъ несмѣло:
— „Гдѣ жъ конецъ?“ Но на эти вопросы
Только вѣчность зіяетъ впередъ безъ пре-
И Сатурнъ изломалъ свою косу. [дѣла,

ЭЛИЗИУМЪ.

Мимо, вопли страданья и боли!
Здѣсь Элизіумъ; скорби нѣтъ болѣ,
Умираетъ навѣки она.

Вѣчна радость и счастье вѣчно;
Какъ ручей чрезъ цвѣты, безконечно
Жизнь катится, свѣтла и ясна.

Вѣчно сіяя,
Радости мая
Здѣсь разлиты въ дыханьи цвѣтовъ.
Какъ сонъ золотой бытіе здѣсь струится,
Духъ въ безднахъ пространства паритъ
безъ границы,
И правда снимаетъ свой вѣчный покровъ.

Восторгъ безъ конца
Объемлетъ сердца;
Здѣсь все только счастье, здѣсь все ликова-
ванье,
А скорби отсутствуетъ даже названье.

Здѣсь путнику есть гдѣ усталыя ноги

На отдыхъ простерть отъ трудовъ и тревоги;
Здѣсь сложать усталые ношу судьбы;
Здѣсь серпъ изъ руки у жнеца выпадаетъ;
Онъ сладко, подъ пѣсни забывшись,
мечтаетъ
О томъ, какъ онъ вяжетъ снопы.

А тотъ, чья рука въ мірѣ молнии метала,
Чье имя испуганный міръ потрясало,
Предъ кѣмъ даже горы дрожали кругомъ,—
Тотъ дремлетъ безмолвно въ прохладѣ тѣ-
нистой
И слушаетъ сказку волны серебристой,
Забывъ свою славу и битвы и громъ.

На лугѣ зеленомъ любовь здѣсь пируетъ;
Весна взоры любящихъ вѣчно чаруетъ;
Здѣсь счастье вѣчно, разлукѣ конецъ;

Здѣсь праздникъ всегдашней любви пре-
доставленъ;
Отъ ужаса смерти любовникъ избавленъ;
Не будетъ конца здѣсь союзу сердецъ.

ЦВѢТЫ.

Вы, цвѣты поры весенней,
Дѣти радостной весны!
Для отрадъ и наслажденій
Къ бытію вы призваны.
Вашъ нарядъ шелками вышить;
Ярко Флора васъ распишетъ.
Какъ нарядно пышны вы!
Но рыдайте, дѣти свѣта!
Вамъ души вся роскошь эта
Не придастъ, и вы мертвы!

Соловей въ тиши полночной
Васъ поетъ, о васъ груститъ.
Вѣнчикъ бархатный цвѣточный
Служить ложемъ для сильфидъ.
И едва ль коронки вашей,

Дочь Діоны сыщетъ краше
Для пріюта ласкъ и нѣгъ.
Но, красавцы, плачьте снова!
Нѣтъ любви въ васъ! Для другого
Вы безчувственны навѣкъ.

И хотя отъ милой Нанни,
Разлученъ я и далекъ,—
Вы нѣжиѣ всѣхъ посланій,
Я плету изъ васъ вѣнокъ;
Душу, сердце, рѣчи, слово
Я для друга дорогого
Вамъ, нѣмымъ, я все вручилъ.
Межъ богами самый мощный
Въ лепестки семьи цвѣточной,
Божество свое сокрылъ.

Б Ъ Г Л Е Ц Ъ.

Денница надъ міромъ такъ радостно
пышетъ,
Багрянцемъ окрасивъ высокія ели;
Дыханіемъ утра растительность дышетъ;
Вершины хребтовъ отъ лучей заблестѣли,

И птичка веселою пѣсней
Разсвѣтъ приходящій встрѣчаетъ,
И солнце, дитяти прелестнѣй,
Въ объятяхъ Авроры играетъ...

Привѣтъ тебѣ, день лучезарный!
Какъ нѣжно подъ дымкой туманною
[парной
Сіяешь ты въ жизненной свѣтлой красѣ!
Какъ лугъ ярко блещетъ,
И тысячью солнцевъ трепещетъ
Твой лучъ животворный въ ростъ!

Подъ вѣтками въ нѣгѣ прохладной
Занялся игрою отрадной
Ужъ юныхъ созданій смѣющійся міръ,
И пляшутъ стрекозы,
И шепчетъ надъ ухомъ у розы
Крылатый зефиръ.

Дымъ вѣлитъ клубами: то городъ про-
[снулъся:
И грохотъ и скрипъ и жужжанье и стукъ,

И длинною лентой вокругъ
Повозокъ, возовъ рядъ оттолъ потянулся.
Могуче расправились крылья орла;
Добыча въ лѣсу для него ожила.

Подъ сѣнью какою
Могу для покою
Я посохъ усталый простерть?
Во всей обновленной
Прекрасной вселенной
Мнѣ всюду могила и смерть!

Денница, вставай! поцѣлуемъ багрянымъ
Окрась еще разъ лучезарный эфиръ!
Ты, вечеръ, спускайся! одѣвши туманомъ,
Баюкай усталый, страдающій міръ.

Но завтра по ўтру, проглѣнувши рано,
Могилу мою озаришь ты одну,
И будетъ заката румянецъ багряный
Баюкать меня — къ вѣковѣчному сну.

В Е С Н Ъ.

Здорово, юноша - красавецъ,
Природы радость и любовь!
Съ своей цвѣточною корзиной
Въ долину къ намъ ты сходишь вновь.

Да, да! Ты снова къ намъ вернулся,
Какъ прежде веселъ и хорошъ.
Какъ радостно трепещетъ сердце,
Когда опять ты къ намъ идешь!

Ты помнишь ли мою подружку?
Ахъ, вспомяни ее, другъ мой!

Она меня все также любитъ,
Точь въ точь какъ прошлою весной.

Тогда для ней тебя просилъ я
Цвѣточковъ мнѣ поболѣ дать;
За ними прихожу я снова,
И ты ихъ мнѣ даешь опять.

Здорово, юноша - красавецъ,
Природы радость и любовь!
Съ цвѣточною своею корзиной,
Добро пожаловать къ намъ вновь!

КЪ МИННЪ.

Вправду ль это допустимо,
Или вижу я во снѣ?
Минна, Минна ходитъ мимо,
Не кивнувши даже мнѣ!
Вкругъ вертится,—такъ и пляшетъ!—
Франтъ съ иглочки одѣтъ...
Какъ игриво вѣеръ машетъ!
Не моя то Минна, нѣтъ!

Съ шляпы, подаренной мною,
Гордо перья поднялись;
Лентъ пучки надъ головою
Шепчутъ: Минна, постыдись!
Не моя ль рука взростила
Эти пышные цвѣты?
Но, увы! мнѣ измѣнила
Раньше ихъ отцвѣта ты!

Если силъ въ тебѣ достало
Позабыть любовь мою, —
Попеченіямъ нахала
Я тебя передаю.
Если ты такъ недостойна
Сердца, въ коемъ чувство есть,
Въ немъ достанетъ силъ спокойно
Это горе перенести.

Душу съ сердцемъ Минны манятъ
Въ бездну сѣти красоты.
Берегись! Краса увянетъ,
Отцвѣтутъ твои цвѣты,
Прочь исчезнетъ хоръ весенній
Птиць, едва придетъ зима, —
Друга жъ въ пору огорченій
Ты отвергнула сама.

Виджу я, какъ увядая
Меркнетъ красота твоя;
Пронесется прелесть мая;
Ты поблекнешь, знаю я, —
И Амуръ принять не хочетъ
Поцѣлуй холодный твой
И, умчавшись прочь, хохочетъ
Надъ увядшей красотой.

Душу, душу Минны манятъ
Въ бездну сѣти красоты...
Берегись! Краса увянетъ,
Отцвѣтутъ твои цвѣты.
О, какъ сладко посмѣюсь я,
Торжествуя всей душой!..
Нѣтъ! Слезами обольюсь я,
Буду плакать надъ тобой!

ТРИУМФЪ ЛЮБВИ.

Гимнъ.

Любовь богамъ даруетъ счастье,
Любовью мы равны богамъ,
Любовь на землю сводитъ небо,
Возноситъ землю къ небесамъ.

Изъ камней въ началѣ міра, —
Говоритъ поэтъ,
Прародительница Пирра
Зародила свѣтъ;

И была тогда, какъ скалы,
Ихъ душа черства,
Ихъ сердца не просвѣтляла
Искра божества;

Цѣпью розовой прекрасной
Не могла сковать ихъ властно

Власть Эроса никогда;
Слово душъ ихъ не плѣняло;
Сердце имъ не поднимала
Пѣсень красота,

И гирлянды ароматно
Не плела любовь;
Молча въ рай весна обратно
Возвращалась вновь.

Встрѣчный хоръ не пѣлъ Аврорѣ,
Яркій всходъ ея былъ нѣмъ,
Солнца богъ спускался въ море,
Не привѣтствуемъ никѣмъ.

Плуга власть сносила нива
Непривѣтно и тоскливо;

Въ тусклыхъ мѣсячныхъ лучахъ
Ночью тайное томленьє
Божества для раздѣленья
Не искало въ небесахъ.

Но вотъ изъ безднъ морского дна
Любви богиня рождена;
Ея рожденью рады,
Ее несутъ наяды.

И словно творческое „будь!“,
Такъ май любви вселяетъ въ грудь
Всего, всего созданья
Жизнь, радость и дыханье.

Лучъ яркій свѣта превозмочь
Уже спѣшитъ глухую ночь;
Безплодный подъ ногами
Покрылся лугъ цвѣтами.

И стали пѣсни соловья
Томящей нѣги полны,
И про восторгъ любви — ручья
Заговорили волны.

Какъ счастливъ ты, Пигмаліонъ!
Тобою мраморъ оживленъ!
О, обними дѣтей, родитель,
Эротъ — всепобѣдитель!

Любовь богамъ даруетъ счастье;
Любовью мы равны богамъ;
Любовь на землю сводитъ небо,
Возноситъ землю къ небесамъ.

Словно вѣчный сонъ счастлива,
Безъ конца, безъ перерыва,
Въ упоеньяхъ свыше словъ,
Пролетаетъ жизнь боговъ.

Зевсъ захочетъ прогнѣвленный, —
Грозно молнія летитъ,
И боязнью потрясенный
Робко весь Олимпъ дрожитъ.

Но престолъ онъ покидаетъ,
Какъ простой пастухъ, вздыхаетъ,
Нѣжной страстію влекомъ.
Надъ Титанами побѣду
Позабывъ, ласкаетъ Леду,
И молчитъ надъ міромъ громъ.

Въ яркомъ пурпурѣ денницы,
Въ грозномъ громѣ колесницы

Мчатся огненные кони,
Блещетъ Фебъ на небосклонѣ.
Но и онъ Эрота силу
Испыталъ: ему не милы
Кони, свѣточъ, небосклонъ!
Ахъ, къ землѣ стремится онъ!

Предъ супругою Кронида,
Преклонились Ураниды.
Надъ престоломъ у богини
Ярко блещетъ хвостъ павлиній,
И красу ея лица
Осѣняетъ блескъ вѣнца.

Но увы! Небесъ царица,
Предъ тобой любовь страшится,
Презираетъ блескъ она,
И смиренно ты должна,
О супругъ безпокоясь,
Царственность свою забыть,
И красы волшебный поясъ
У Киприды испросить.

Любовь богамъ даруетъ счастье;
Любовью мы равны богамъ;
Любовь на землю сводитъ небо,
Возноситъ землю къ небесамъ.

Лучъ любви въ Аидъ проникъ.
Даже тамъ Эротъ великъ!
Мрачныхъ тѣней властелина,
Предъ очами Прозерпины
Просвѣтленъ суровый ликъ.
Лучъ любви въ Аидъ проникъ!

И волшебной властью даже
Укрощаетъ Ада стражей,
О Фракіецъ, пѣснь твою,
И росой неожиданной слезной
Блещетъ ликъ Миноса грозный.
Въ волосахъ Мегеры мѣся,
Въ поцѣлѣхъ слились змѣи,
Обняла змѣю змѣя.

Дивной лирою Орфея
Прогнанъ коршунъ Прометея,
И въ волненіи сокрытомъ,
Лета съ сумрачнымъ Коцитомъ
Тише катитъ въ адъ ручьи,
Слушая напѣвъ любви!

Любовь богамъ даруетъ счастье;
Любовью мы равны богамъ;
Любовь на землю сводитъ небо,
Возноситъ землю къ небесамъ.

Всюду въ царствѣ жизни рѣть,
 Всюду, всюду счастье сѣть
 Въ міръ—любви прекрасной слѣдъ.
 Если мнѣ во мракѣ ночи
 Не Киприды блещутъ очи
 Въ хорѣ звѣздъ, то цѣлый свѣтъ,
 Всѣхъ міровъ и солнцевъ бездны,
 Цѣлый хоръ несчетный звѣздный,
 Безразличны, бесполезны;
 Надо мной ихъ власти нѣтъ.
 Пусть изъ зеркала природы,
 Какъ сіяетъ сквозь струи
 Родниковъ свѣтъ небосвода,
 Намъ сіяетъ лучъ любви!

Бѣгъ лазурнаго ручья
 Не любовь ли направляетъ?
 Ночью пѣсни соловья
 Не любовь ли оживляетъ?
 Жизни всякая струна
 Ей одной напряжена!

Даже, истины богиня,
 Отступить должна ты нынѣ,

Предъ любовью покорись!
 Ты свое не склонишь знамя
 Предъ богами, предъ царями;
 Предъ любовью же склонись!

Кто пустился смѣло въ бездны
 Высоты небесъ надзвѣздной?
 Кто безсмертныхъ достигалъ?
 Разодравши всѣ покровы,
 Кто сіянье жизни новой
 Передъ нами показалъ?
 Если бѣ только не любовь,
 Для чего воскреснуть вновь?
 И искали ль бы сердца
 Въ небѣ общаго Отца?
 Да, къ познанью Божества
 Привела любовь сперва
 Смертныя сердца.

Любовь богамъ даруетъ счастье;
 Любовью мы равны богамъ;
 Любовь на землю сводитъ небо,
 Возносить землю къ небесамъ!

МОРАЛИСТУ.

Зачѣмъ ты злобствуешь? Съ ворчливою
 [досадою,
 Игръ рѣзвыхъ юности, мой другъ не по-
 [рицай
 Пойми: тебѣ зимы, ея морозовъ надо,
 А предъ тобою блещетъ жизни май!

Вѣдь, шумно праздникъ юности пируя,
 Не ты ли праздновалъ веселый карнавалъ,
 И самъ отъ рѣзвыхъ нимфъ отраду поцѣлуя
 Устами жадными впивалъ?

А, Селадонъ! Когда бы съ вѣчной оси,
 Созданье все съ собою погубя,
 Вращеніе земли внезапно сорвалось,
 Не все ль равно тогда бы было для тебя?

Теперь ты все забылъ; но вспомнй о
 И знай, что философія твоя [старомъ,
 Подобна пульса переменчивымъ ударамъ,
 Что изъ людей боговъ создать нельзя.

Что можетъ въ ледѣ закованный мысли-
 тель,—
 Не въ силахъ юноша кипящій совершить;
 И пусть того достигнетъ небожитель,
 Чѣмъ, смертнымъ, никогда намъ невоз-
 [можно быть!

Свободный духъ сковавъ въ оковахъ
 тѣсныхъ
 Своимъ ученіемъ, ты хочешь, чтобъ я сталъ
 Подобье ангеловъ небесныхъ;
 Но человѣкомъ я бѣ охотнѣе быть желалъ!

ДОСТОИНСТВО МУЩИНЫ.

Да, я мужчина! Въ чьей груди
Мужское сердце бьется,—
На свѣтъ тотъ радостно гляди:
Легко ему живется!

Что я подобье божества, —
Въ томъ я печать имѣю;
Дойти до крайнихъ естества
Истоковъ я сумѣю.

О, все могу и смѣю я!
Идетъ дѣвица что ли,—
Я говорю: „Мужчина я!“
Ее цѣлую вволю.

Чуть взглядъ она лишь бросить
У ней въ груди ужъ тѣсно: [мнѣ,
Вѣдь что мужчина я, вполне
Прекрасно имъ извѣстно.

Чуть я въ купальню къ нимъ про-
Кричать.... А что причина? [никъ,
Не значить ли ихъ общій крикъ
Лишь то, что я мужчина?

Мужчина я, — и тѣмъ гордясь,
Ликую я душевно;
Лицомъ я не ударю въ грязь
Хотя бы предъ царевной.

Будь нищій я, она же дочь
Царя — я ей пріятель,
Я милъ ей! Убирайся прочь
Тотъ, кто богатъ и знатенъ!

Мужчина я, мужчина я!
Что этотъ титулъ значить,
Вамъ скажетъ лира: пѣснь моя
Не хнычетъ и не плачетъ.

И Тотъ, кто, насъ создавъ, избралъ
Насъ средь другихъ твореній,
Двѣ грозныхъ силы къ жизни далъ
Намъ — мужество и геній!

Свободы другъ мой талисманъ,
И рабства не терплю я.
Пусть въ трепетѣ дрожитъ тиранъ,
Чуть на него взгляну я!

Сломилъ мой чудный талисманъ
Персидскую державу,
Посѣялъ въ глубь германскихъ странъ
Великихъ римлянъ славу.

Какой великій мужъ сидить,
Изъ Рима вонъ изгнанный?
Его угрюмый взглядъ горитъ,
Какъ молнія вулкана.

Тому, кто взять его пришелъ,
Онъ говоритъ надменно:
„Ты видишь Марія, посоль,
„На камняхъ Кареагена!“

Но дѣти славныхъ тѣхъ мужей
Растратили наслѣдство;
Чудятъ, одинъ другихъ чуднѣй,
Въ избыткѣ пошломъ дѣтства.

Позоръ тѣмъ жалкимъ существамъ
Которые — что хуже? —
На зло небеснымъ всѣмъ дарамъ,
Утратить право мужа.

Куда ни гонить ихъ судьба,
Они судьбѣ покорны;
Они — пустые черепа,
Безъ мысли животворной.

Точь въ точь когда спиртъ у вина
Перегнанъ чрезъ реторту, —
Осталась флегма въ нихъ одна,
Душа исчезла къ чорту.

Имъ даже встрѣтить Евы дочь,
По мнѣнью ихъ, опасно,
И ничего ни смѣть ни мочь,
Они уже невластны.

По нимъ, кто по людски живетъ,
Чуть чуть не міръ тотъ губить....
Кто людямъ жизни не даетъ,
Тотъ и людей не любитъ!

Затѣмъ то голову свою,
Я гордо поднимаю.
Себя я мужемъ сознаю,
И міръ весь презираю!

Графъ Эбергартъ Грейнеръ.

ГРАФЪ ЭБЕРГАРДЪ ГРЕЙНЕРЪ.

Военная пѣсня.

Да что вы тамъ, въ своемъ краю,
Надъ нами занеслись?
Иль удалцу - богатырю,
Орлу и въ мирѣ и въ бою,
У Швабовъ не найдись?

У васъ есть Карлъ да Эдуардъ,
Да Фридрихъ, — кто еще?
Карлъ, Фридрихъ, Людвигъ, Эдуардъ...
У насъ есть вождь — графъ Эбергардъ,
Любимый горячо!

И Ульрихъ тожъ, его сынокъ,
Любилъ булатный громъ.
Какъ бой ни жарокъ ни жестокъ,
Онъ не отступитъ на вершокъ
Ни разу предъ врагомъ!

Но Рейтлингцамъ, должно быть, глазъ
Кололи ихъ дѣла!
Врасплохъ они застали насъ,
И тутъ - то схватка началась,
Потѣха тутъ пошла!

Графъ началъ бой да невпопадъ,
Пришелъ домой побить;
Отецъ спокоенъ былъ на взглядъ,
А сынъ — тотъ божью дню не радъ,
И сумрачно глядитъ.

„Нѣтъ, такъ оставить имъ нельзя!
Рѣшаетъ молодой.
И въ сердцѣ мечь для нихъ нося,
Онъ бородой отца клялся
Отметить за прежній бой.

И вотъ приходитъ наконецъ,
Удобная пора, —
Сошлись въ схваткѣ! Мой Творецъ,
Какъ осерчалъ нашъ удалецъ!
Схватились на ура.

У нашего всего полка,
Былъ лозунгъ: „Долгъ отдать!“ —
И шибче вихря на врага,
Какъ туча грозная тяжка,
Помчалась наша рать.

Графъ молодой, какъ будто левъ,
Помчался прямо въ бой,
И, свой сдержать не въ силахъ гнѣвъъ,
Смерть сѣетъ онъ, разсвирѣпѣвъъ,
Межъ вражью толпой.

Увы! Прокрался врагъ назадъ,
И съ тылу бацъ его!
Вкругъ графа мигомъ весь отрядъ,
Да только поздно! Тусклый взглядъ,
Не видитъ ничего!

Мы дрогнули, — не безъ причинъ:
Нашъ врагъ заплакалъ самъ!
Спокоенъ былъ отецъ одинъ:
— „Ну что за дѣло, что мой сынъ?
„Маршъ, дѣти, на врага!“—

Дружнѣй ударили въ напоръ,
И врагъ подался тутъ!
Еще мгновенье, — о позоръ! —
Уже и въ лѣсъ и въ поле съ горъ,
Вездѣ враги бѣгутъ.

Мы съ музыкой пошли назадъ,
И — то - то торжество!
Встрѣчаютъ насъ и старъ и младъ,
Въ честь боя весело хотятъ
Отпраздновать его

А старый графъ — гдѣ онъ? Сидитъ;
Убитый сынъ предъ нимъ,
Убитый сынъ предъ нимъ лежитъ,
Старикъ же блѣденъ и убитъ,
Надъ мертвымъ недвижимъ.

Вотъ почему, вотъ отчего
Его такъ любимъ мы!
Послушайте-ка про него!
Ей, ей, для края своего,
Одинъ онъ стоитъ тьмы!

А вы, вы тамъ въ своемъ краю
Предъ нами занеслись!
Иль удалцу - богатырю,
Орлу и въ мирѣ и въ бою,
Межъ нами не найдись?

ФОРТУНА и МУДРОСТЬ.

Фортуна, бросивъ фаворита,
Поспѣшно къ Мудрости летитъ.
— „Мои объятія открыты
„Тебѣ отнынѣ“, говоритъ.

„Твоимъ любимцамъ безъ возврата
„Отдамъ я щедрою рукой
„Все, все чѣмъ только я богата;
„Не называй меня скупой!

„Теперь съ тобой я въ дружбѣ вѣчной;
„Довольно мучилася ты.
„Распредѣляй дары безопасно,
„Съ тебя сниму я тяготы.“—

Съ улыбкой Мудрость отвѣчаетъ:
— „Спаси любимца своего,
„Лети къ нему, онъ погибаетъ,
„А мнѣ не надо ничего.“—

